

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 19. «Всполох в комнате свечей...»

Выпуск № 328

Лариса Миллер

Осыпающийся сад
И шмелиное гуденье.
Впереди, как сновиденье,
Дома белого фасад.
Сад, усадьба у пруда,
Звук рояля, шелест юбки...
Давней жизни абрис хрупкий,
Абрис зыбкий, как вода,
Лишь в душе запечатлён.
Я впитала с каплей млечной
Нежность к жизни быстротечной
Ускользящих времён...

1983

Марина Цветаева

Доброй ночи чужестранцу в новой келье!
Пусть привидится ему на новоселье
Старый мир гербов и эполет.
Вольное, высокое веселье
Нас – что были, нас – которых нет!

Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает. – В памяти балет
Розовой взметается метелью.

Сколько лепестков в ней – столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!

1920

Лариса Патракова

Стук подъехавшей кареты,
Скрип ступеней, всхлип дверей,
Всполох в комнате свечей
И вопросом без ответа
Смотрят старые портреты,
И один из них – ничей.

В этих комнатах по кругу
Я бродила, как во сне.
Не узнали мы друг друга;
Я не протянула руку
К старой раме на стене.

Окна настезь, в шторах ветер,
Кто-то бродит в кабинете
И неясная беда
Мне мерещится упрямо,
А когда войду туда:
На стене след старой рамы
Отпечатан навсегда.

Стук подъехавшей кареты.
Всполох в комнате свечей...

Выпуск № 507

Николай Гумилёв

Городок

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке –
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, –
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза всё такие тёмные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителей жеребец –
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»
И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесён,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

Мария Петровых

Сказка

Очарованье зимней ночи.
Вспоминанье детских лет...
Пожалуй, был бы путь короче
И замело бы санный след.

Но от заставы Ярославской
До Норской фабрики, до нас, –
Двенадцать вёрст морозной сказкой
Под звёздным небом в поздний час...

Субботним вечером за нами
Прислали тройку. Мы с сестрой
Садимся в сани. Над санями
Кружит снежинок лёгкий рой.

Вот от дверей начальной школы
Мы тронулись. На облучке –
Знакомый кучер в долгополой
Овчинной шубе, в башлыке.

И вот уже столбы заставы,
Её двуглавые орлы.
Большой больничный сад направо...
Кусты черны, снега белы,

Пустырь кругом, строенья редки.
Темнее ночь, сильнее мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатерининских берёз.

А лошади рысцою рядом
Бегут... Почтенный коренник
Солидно вскидывает задом.
Он строг и честен, он старик.

Бежит, бряца селезёнкой,
Разумный конь, а с двух сторон
Шалют пристяжки, как девчонки,
Но их не замечает он.

Звонит бубенчик над дугою,
Поют полозья в тишине,
Но что-то грезится другое
В замороженном полусне.

На горизонте лес зубчатый,
Таинственный, волшебный лес.
Там, в чаще – угол непочатый
Видений, страхов и чудес.

Вот королевич серым волком
Подходит к замку на горе...
Неверный свет скользит по ёлкам,
По чёрным ёлкам с серебре.

Спит королева непробудно,
И замок в чарах забытья.
Самой себе признаться трудно,
Что королева – это я...

Настоян на морозе воздух
И крепок так, что не вздохнуть.
И небо – в нелюдимых звёздах,
Чужая, нежилая жуть.

Всё на земле роднее, ближе.
Вот телеграфные столбы
Гудят всё то же, а поди же, –
Ведь это песни ворожбы.

Неодолимая дорога
В том звуке, ровном и густом...
Но вот фабричные ворота,
Всё ближе, ближе, ближе дом.

Перед крылечком санный полоз
Раскатывается скользя.
И слышен из прихожей голос,
Который позабыть нельзя.

1955

Выпуск № 596

Антон Дельви́г

Тихая жизнь

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнёт, мечтой не унесётся;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснёт, так весело проснётся;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну с своих овец собирает,
И для кого свой дуб в огне горит зимой,
И сон прохладю в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,
Полёта быстрого часов не примечая,
И смерть к нему придёт с улыбкой на устах,
Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру – и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? Я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастье в Лилете!

Николай Гумилёв

Старые усадьбы

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси.
Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льётся по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, – то, значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя своё, живя своим.

Вот, гордый новою поддёвкой,
Идет в гостиную сосед.

Поникнув русою головкою,
С ним дочка – восемнадцать лет.

«Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка».
И ясный взор её туманится,
Дрожа, сжимается рука.

«Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придётся погодить».
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам – золотоглавые,
Святые, белые скиты,
А девушкам – одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты своё возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживёшь?

И не расстаться с амулетами.
Фортуна катит колесо.
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

1913

[Выпуск № 822](#)

[Марина Цветаева](#)

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутылки.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крёстным.

Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник...

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

1916

Павел Васильев

Старая Москва

У тебя на каждый вечер
Хватит сказок и вранья,
Ты упрятала увечье
В рваной шубе воронья.
Твой обоз, груженный стужей,
Растерял колокола,
Под оде́жею дерю́жбей
Ты согреться не могла.
Всё ж в подъездах у гостиниц
Вновь, как триста лет назад,
Кажешь розовый мизинец
И ледяный синий взгляд.
Сохранился твой народец,
Но теперь уж ты вовек
У скуластых богородиц
Не поднимешь птичьих век.

Ночи глухи, песни глухи –
Сколь у Бога немоты!
По церквам твои старухи
Чертят в воздухе кресты.
Полно, полно,
Ты не та ли,
Что рвала куниц с плеча
Так, что гаснула свеча,
Бочки по полу катались,
До упаду хохоча?
Как пила из бочек пиво?
На пиру в ладоши била?
И грозились – не затронь?
И куда девалась сила –
Юродивый твой огонь?
Расскажи сегодня ладом
Почему конец твой лют?
Почему, дыша на ладан,
В погребках с мышами рядом
Мастера твои живут?
Погляди, какая малость
От богатств твоих осталась:
Красный отсвет от пожара,
Да на птичьих лапах мост,
Да павлиний в окнах яро
Крупной розой тканый хвост.
Но боюсь, что в этих кручах,
В этих горестях со зла
Ты вдобавок нам смогла
Мёртвые с возов скрипучих
Грудой вывалить тела.
Нет, не скроешь, – их немало!
Ведь подумать – среди снегов
Сколько всё-таки пропало
И лаптей и сапогов!
И пройдут, шатаясь, мимо
От зари и дотемна...
Сразу станет нелюдима
От таких людей страна.
Оттого твой бог овечий,
Бог пропажи и вранья,
Прячет смертные увечья
В рваной шубе воронья.

Выпуск № 806

Лариса Патракова

Стучу в дубовые врата –
Всё в кружевном убранстве кованом...
В кровь кулачки и ногти сломаны –
Стучу до самого утра.

И на рассвете дверца узкая
Открылась, словно взгляд вприщур,
И баба, несказанно русская,
Зевнула: «Видывали дур...»

И осеклась. Взглянула пристально,
Швырнула узелок к ногам:
«Переоденься – только выстиран
Лазоревый твой сарафан...»

Узнала – как огнём плеснула
Из-под крылатых, смуглых век...
И я вслед утру проскользнула
В семнадцатый ознобный век.

Ирина Ратушинская

Словам – огня, и крепости – вину,
И лёгкости – смычку, и дерзкой славы!
И прадеды с улыбкою лукавой
Из тёмных рам отпустят нам вину –
За то, что хоть на вечер, хоть на час
Мы оживим забытую эпоху.
А если натворим переполоху –
Вольно ж им было просыпаться в нас!

Выпуск № 98

Иван Бунин

Вальс

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных –
И зал плывёт, плывёт в протяжных
Напевах счастья и тоски.

Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный –
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опahal.

1906

Марина Цветаева

Бабушке

Продолговатый и твёрдый овал,
Чёрного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.

Тёмный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, – кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Тёмные звёзды погасли.
– Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..

1914

Выпуск № 134

Марина Цветаева

Кн. С. М. Волконскому

Стальная выправка хребта
И воронёной стали волос.
И чудодейственный – слегка –
Чуть прикасающийся голос.

Какое-то скольжение вдоль –
Ввысь – без малейшего нажима...
О дух неуловимый – столь
Язвящий – сколь неуязвимый!

Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
– Сиятельный – лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся – весь!
В лад дышащий – с одной вселенной!
Всегда отсутствующий *здесь*,
Чтоб *там* присутствовать бессменно.

1921

Максимилиан Волошин

Аделаида Герцык

Лгать не могла. Но правды никогда
Из уст её не приходилось слышать –

Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В её речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную, мерцающую ткань –
Покров Изиды. Под её ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых.
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки.
Ей грамота мешала с детства книге
И обедняла щедрый смысл письмён.
А физики напрасные законы
Лишали власти таинства игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептала с вещим напряженьем,
Как заговор от сглаза и огня.
Слепая – здесь, физически – глухая, –
Юродивая, старица, дитя, –
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:
Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий –
(Черёд родин, болезней и смертей) –
В душе её отображались снами –
Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,
Она, с доверьем подавая руку,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму.
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб – воистину есть плоть Христова,
Что кровь и скорбь – воистину вино.
И смерть пришла, и смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании полынных плоскогорий,
В седых камнях Сугдейской старины.

Выпуск № 575

Николай Гумилёв

Читатель книг

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознания,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо,
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый, как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

1909

Максимилиан Волошин

Р. М. Хин

(из цикла «Облики»)

Я мысленно вхожу в ваш кабинет:
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера;
И бьётся сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой Сатир – Верлен,
Кузнец – Бальзак, чеканщики – Гонкуры...
Их лица терпкие и чёткие фигуры
Глядят со стен, и спит в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьёв,

И голова библейского пророка
(К ней шёл бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший вам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движенье, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Стороженки
Седая голова меж низких плеч.
Всё, что теперь забыто иль в загоне, –
Весь тайный цвет Европы иль Москвы –
Вокруг себя объединяли вы:
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали –
Рука невольно ищет карандаш,
А мысль плывёт в померкнувшие дали...
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве слов, в изгибах интонаций
Мерцают отсветы бесед, событий, лиц...
Угасшие огни былых иллюминаций...

1913

Выпуск № 37

Лариса Патракова

М. Цветаевой

В старом доме и дерево камень.
День за днём каменело веками –
Триста лет, день за днём, день за днём...
И попробуй теперь взять огнём –
Лишь оближет бессильное пламя:
В старом доме и дерево камень.

Марина Цветаева

Отцам

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью
По колено в земле,

А сединами – в звёздах!
Вам, слышней камыша,
– Чуть зазыблется воздух –
Говорящим: ду – ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
Современникам старшим –
Вам, без равенств и братств,

Руку веры и дружбы,
Как кавказец – кувшин
С виноградным! – врагу же –
Две – протягивавшим!

Не Сиреной – сиренью
Заключённое в грот,
Поколенье – с пареньем!
С тяготением – *от*

Земли, *над* землей, прочь от
И червя и зерна!
Поколенье – без почвы,
Но с такою – до дна,

Днища – узренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной –
Как живая глядит.

Поколенье, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколенье! Я – ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша – сутью и статью,
И почтением к уму,
И презрением к платью
Плоти – временному!

Вы – ребёнку, поэтом
Обречённому быть,
Кроме звонкой монеты
Всё – внушившие – чтить:

Кроме бога Ваала!
Всех богов – всех времён – и племён...
Поколенью – с провалом –
Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – *быть*,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим – любить!

До последнего часа
Обращённым к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

1935

Даниил Андреев

Дома

А.А.

Этот двор, эти входы,
Этот блик, что упал на скамью,
В роды, роды и роды
Помнят добрую нашу семью.

Эти книжные полки,
Досягнув, наконец, к потолкам,
Помнят свадьбы и ёлки,
И концерты, и бредни, и гам;

Драгоценные лица,
Спор концепций и диспуты вер –
Всё, что жаждется, снится,
Что творится, – от правд до химер.

Эта комната светит
Среди ночи, как маленький куб, –
Ей так мирно в привете
Твоих рук, твоих глаз, твоих губ.

До далёких Басманных,
До Хамовников, хмурых Грузин
Свет годов нерасстанных
Мне – вот здесь: он – певуч, он – один.

Но над тёплой крышей
Проплывает, как демон, наш век,
Буйный, вязкий и рыжий,
Будто ил взбаламученных рек.

Звёздный атлас раскрою:
Грозен в чуткую ночь Зодиак,
И какому герою
По плечу сокрушить этот мрак?

Ни границ, ни сравнений,
Как для путника в снежной степи.
Дай зарыться в колени,
Силу знать и молчать укрепи.

1958